

Алексей Ивин

Рецензистика

ТОМ 2

Алексей Ивин
Рецензистика. Том 2

«Издательские решения»

Ивин А. Н.

Рецензистика. Том 2 / А. Н. Ивин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831341-7

Собраны книжные рецензии 1978—2016 годов, опубликованные в бумажной периодике и в электронных журналах. Оценены сотни авторов и их произведений, сотни и даже тысячи других — упомянуты внутри рецензий. Мультиплицированное чтение, что-то вроде каталога с комментариями, вполне в духе новых информационных технологий. Рецензент почти везде выражался совершенно свободно и образно.

ISBN 978-5-44-831341-7

© Ивин А. Н.
© Издательские решения

Содержание

74. Светлана Викарий, «Вот моя деревня»	6
75. Guimaraes Rosa	7
76. Верг Уильямс	10
77. Алехо Карпентьер	11
78. Altri tempi, другие времена	12
79. Издательство «АСТ» разорилось не даром	15
80. Без тщеславной почесухи	16
81. Лепта в историю	18
82. Борьба с последующим обессиливанием	21
83. Братья Барадлаи в вихре лет	23
84. Бродяжья участь	25
85. Ежи Брошкевич	26
86. Булвер-Литтон	27
87. Бытовуха	28
88. Наталия Вико	29
89. Враждебный рецензент	30
90. Вэйнё Линна	32
91. Герберт Уэллс	34
92. Герой не нашего времени	35
93. Глупее нас с вами	37
94. Государи наши, с кого брать пример	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Рецензистика Том 2 Алексей Ивин

© Алексей Ивин, 2016

ISBN 978-5-4483-1341-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

74. Светлана Викарий, «Вот моя деревня»

Не знаю. На любителя. Гуманизма мало. Светлана Викарий попала в неприятную историю из-за этой книги: прототипы себя узнали. Все-таки к слабым, обездоленным и неустроенным людям лучше бы проявить сострадание, привычное для русской литературы. Презрение к деревне явно сквозит в этой полудокументальной повести, а я деревню люблю.

Изображен ведь, в общем, депрессивный российский район – Калининградская область. Немецкий стиль хозяйствования там забыт или еще не внедрен, а русский утрачен, население бомжеватое.

Светлана Викарий – моя сокурсница по Литературному институту. Характер задиристый.

Алексей ИВИН

75. Guimaraes Rosa

Я себя либо не понимаю, либо не люблю. Потому что до Гимараэнса Розы мне не должно быть дела. Мир, в котором он прожил (засушливые области Бразилии – сертан, а затем дипломатическая служба), мне совершенно чужд. И рассказы классика бразильской литературы вызывают не то, чтобы раздражение, а тугу, через препятствия, преодоление или даже с отторжением, воспринимаются. Конечно, интуитивно-то я догадываюсь, в чем здесь дело, но чтоб меня не приняли за сумасшедшего, объяснить не стану.

Ведь вот после прочтения Габриеля Гарсия Маркеса, или Хорхе Луиса Борхеса, или даже Жоржи Амаду и в намерении нет что-либо об их прозе сказать или подумать: откладываешь книгу с твердым пониманием, что добавить нечего, разбираться не в чем, соревноваться с ними ты, возможно, и смог бы, но так, об этом и таким стилем – и пытаться не надо. Эти авторы бесспорны для меня, даже Амаду, скучноватый и многословный, или, может быть, далеко отстоят от актуальностей, которыми я опутан и занят. Но, видно, с Гимараэнсом Розой есть связь, насущная для меня самого, потому что о его книге («*Рассказы*», М., ИХЛ, 1980) захотелось написать.

Первое дело, что его герои чаще всего в пути. Пастухи, погонщики, бандиты, как некогда Одиссей, родину-то покинули, но отношение к ней не утратили, как та коза, которая привязана к колышку и объедает траву по округности. Они отъезжают из дома, потому что в нем неблагополучие: постылая жена («Отрывки из биографии Лалино Салантиела...»), болезнь, голод, нужда, враг, которому следует отомстить. Автор в лирическом отступлении так прямо и признается (и это странно для дипломата), что любит бродяжить, ночевать под открытым небом и ни за что не нести ответственности. Возможно, что занятия литературой помогли ему уйти от забот и волнений социального порядка в мир, где легко дышится и светят звезды. Он явно романтизирован, этот мир, и любим, почти так же, как у раннего М. Горького, пока общественная занятость и социальный заказ не преобразили того из певца революции, вольности и анархии в унылого раба и труженика слова. Дух вольности в латиноамериканской литературе посильнее, чем в русской, и в таких пестрых, ярких, кричащих красках изображен, что куда нашим прозаикам.

Гимараэнс Роза назовет вам каждое бразильское дерево, изобразит повадку любой птицы и животного (волы, ослы, лошади часто становятся персонажами), распишет путь, привал и источник, так что вы ушами, глазами и ноздрями ощутите окружающий мир. Поэзия «правды» и «красоты» вещественнее всего и прельщает даже богачей, скопидомов и аристократов, не то, что безземельных бедняков и бродяг. Роскошь флоры, фауны и вообще природы – оправдание жизни, ее нескончаемой радости. Так что, воспроизводя эту радость, Роза так же обстоятелен, как и Л. Н. Толстой, описывая, например, катанье на коньках или сенокос.

Но бывает (и тут два писателя расходятся), что дома жить не вмоготу, в нем беда, проказа, нищета, позор, и тогда эта коза выдергивает колышек и сломя голову несется в дебри, подальше от цивилизации и такого социального устройства, которое само есть непреходящий ужас. И часто бразильский прозаик, рассказывая длинную историю, на диалектах, народных песнях и полном анимистическом пантеоне выстроенную, делает это, искусно оттягивая ужасную, трагедийную развязку. Жизнь потому и прекрасна, что ужас в конце ее. И этот ужас надо оттянуть, надо и там побывать, и туда заглянуть, и разговор быков послу-

шать («Разговор быков»), потому что вот сейчас сонный возница свалится и колесо переедет ему шею. Сертан цветет и ликует, всё как всегда, и дорога не ухабистее прежней, но рассорились и разупорядочились быки в упряжке, – и кирдык: хоррор тут как тут, хозяин положения и царь природы задавлен, и быки, тотчас замирившись, продолжают путь под мирным небом. Чего им делить? Человек ведь – причина мировых катастроф и неурядиц, не быки.

Но и возница не виноват. Дома неблагополучно, в цивилизации: дома живет буйный сумасшедший, прокаженный, дьявол, враг, бандит, предатель, потому-то и в этой, располагающей к отдыху, блаженной поездке на восьмерке думающих быков (у каждого свой нор) беззаботника, стоит ему расслабиться, ждут смерть и ужас. Как сделать, чтобы в конце радости и живописного бытия нас не стерегла смерть – этим вопросом Г. Роза не задается (он ведь латиноамериканец, морализаторства избегает). Но что ужас – в конце, что он неотвратим, как рок в древнегреческой драме, и совсем зачеркивает счастливые, восторженные впечатления дня – это правда.

При таком незавидном раскладе Г. Роза обрекает своих героев на конечное, молчаливое мужество. Никаких таких особых моральных раскаяний отца Сергия, никаких попыток увильнуть от неизбежного исхода: если месть, то она совершится, даже отложенная на десятилетия («Час и черед Аугусто Матраги», «Поединок»), если расплата, то она не за горами, и не надо зажмуриваться, как какой-нибудь Иван Ильич. Моральный элемент в латиноамериканской литературе и вообще-то не силен. В прозе Гимараэнса Розы тоже действуют священники, и сам автор как будто добрый католик, но вот этих колебаний, мучений и диалектики души отчего-то нет, и это, разумеется, тоже традиция. Некоторые его сюжеты притчеобразно повторяют хемингуэвский безрадостный вывод: ты молодец, ты победитель, ты поймал здоровенную рыбину, ты здорово поработал, но, пока ее транспортировал, хищные акулы сожрали и растащили твое богатство. Твоя жизнь и силы растворились в необъятном море, победитель не получил ничего.

Ведь в чем юмор самого жизнеутверждающего рассказа в этом сборнике? Рассказ называется «Семерка Червей», это кличка старого уклончивого упрямого осла, который горазд отлынивать от работы. А юмор очень простой: займись сбережением своих ресурсов, сосредоточься и будь внимателен к внутренним и внешним воздействиям, и при переправе на бурной реке джигиты на сильных откормленных конях, здоровые и опытные пастухи и возчики, – все потонут, а ты выплывешь, цел и невредим, и вокруг тебя спасутся (нет, не многие, как сулят священники в проповедях, но двое беззаботных пьяниц уж точно). Вера здесь простая, она – в знании каждодневных обязанностей, в здравом смысле и мудрости.

Не хочу говорить об этом писателе академическим, наукообразным слогом. Возможно, потому, что и для него важны в слове образительность, краски и ядреная суть, а не мысль, и в этом он схож с Маркесом, у которого дожди льют годами и прекрасные Ремедиос летают на простынях. Некоторые герои Гимараэнса Розы не только нищие духом и совсем опротившиеся натуральные люди, но еще и душевно травмированные. В нашей бы новой русской литературе таких окрестили «бомжами» и описали с отвращением и натуралистически, но для бразильского автора они святы, правильны и безупречны. Он не презирает их за то, что в поведении, в привычках и интеллектуально они не выше своего же скота, за которым ухаживают. Гуманитарные ценности непреложны в человеке. Пастух – почтенное занятие; дипломат Г. Роза нигде не тшится доказывать, что в дипломатическом корпусе подобались персоны предпочтительнее. Как-то само собой подразумевается, что общечеловеческие ценности коренятся в народе и в самых простодушных его представителях. Они колоритны,

изображены с юмором, симпатией; автор любит их отвагой, честностью; когда они клянутся, то клятву держат. Но и в этот святой и прекрасный мир проникли ужас, хаос и распад. Смерть и ее неизбежность изображены с таким напряжением и отчаянием, что самое поведение героев предстает как следствие некой душевной травмы. Не назовешь нормальным доброго семьянина, который бросил семью и поселился на воде (впрямую: построил лодку, как Ной, но явно, что ждал не конца света, а мира в душе, всю остальную жизнь курсируя по реке и отдыхая на островах). Как выбрать третий путь – не смерть и не сообщество людей, а свободу, абсолютную, полную и бессмертную («Третий берег реки»)? А вот именно выбрав его, этот способ жизни. Видно, в западной традиции с ее праведным индивидуализмом выбор по произволу и не требует никаких оправданий, он естествен. (В нашей отечественной жизни и литературе он преследовался бы полицией и требовал обоснования; у нас и цыган-то насильственно принуждают к оседлости, а право личности на свободное перемещение давно опять похерено).

Когда писатель не осуждает и не морализирует, это правильно. Человек без прописки – он не преступник, он лишь любит свободу и хочет радоваться. Говорят, Гимараэнс Роза написал роман «Тропы большого сертана». Хорошо бы его прочесть, даже если он так же обстоятелен и малосюжетен, как рассказы. Закрутить сюжет жестоко и стремительно автор умеет («Поединок», «Заговоренный»), но прелесть его прозы в основательности, в богатейшем и красочном языке, в типажах, которые у нас были бы немыслимы даже как «чудики», в той суровости, честности и величии, которыми, должно быть, обладает бразильская природа – сельвы, сертаны, реки амазонского бассейна. Кинишко посмотреть нетрудно, но в книге встречаешься с автором, и если автор умен, талантлив, велик, мастер слова, то – и без цветной киносъемки – о бразильской жизни, нравах и людях получаешь полное представление. Гимараэнс Роза, расширяя наш кругозор, изображает бразильцев очень хорошо: как они есть.

Алексей Ивин
(рецензия опубликована в ЖЛКиС)

76. Верт Уильямс
В. Уильямс, Ада Даллас:
Роман. – М.: Радуга, 1989. – 336 с.

Безрадостная книга о всеобщей подлости. Меня призывают посочувствовать высокопоставленным мерзавцам, которые по трупам пришли к власти, а потом передрались между собой. Презрение к маленьким людям и неудачникам и восхищение любым успехом – это очень по-американски. Как проститутка захотела, чтобы о ней заговорили, и добилась своего – о`кей. Но что она дружелюбна и способна на самопожертвование – это неправда.

77. Алехо Карпентьер

Алехо Карпентьер, Век просвещения: Роман/ пер. с исп. Я. Лесюка. – М.: ИХЛ, 1968

Великая Французская революция на Антильских островах – вот тема романа. Сюжет строится вокруг судеб двоюродных брата и сестры Эстебана и Софии и разорившегося торговца, франкмасона, а потом якобинца и диктатора во французских владениях на Карибах Виктора Юга. Написано потрясающе хорошо, «плотно» (если читать не отрываясь), в духе латиноамериканской прозы – т.н. «магического реализма». Разница та, что Маркес изображает дикие некультурные страсти, пылкие нравы и могучую природу, а Карпентьер, с его хорошей пластикой, яркой образительностью и громадным лексиконом, предпочитает культуру и цивилизацию тех лет (конец ХУІІ – начало ХІХ века). Прерываться при чтении нельзя потому, что ритмика, синтаксис и лексические построения, буйство красок и языка и самая манера широкого описательства (а не сцен или психологии) завораживает при непрерывном воздействии. А отвлечетесь, текст покажется неактуальным и наукообразным, скучным.

А каков сам герой! Сперва масон и авантюрист, потом деятель Конвента и революционный генерал, диктатор Гваделупы, корсар, освободитель рабов и сам рабовладелец, организующий карательные экспедиции, – с таким не соскучишься, от такого не устанешь (и это понимает Софья, главная героиня). Алехо Карпентьер показывает нам, как, с какой мощью и азартом можно сочинять, если по-прежнему верить в силу слов, как верили просветители, энциклопедисты, прозаики до изобретения фототипии и видеоряда братьями Люмьер. Софья привлекательна и немного жалка – то и дело сдается на милость победителя, вояки и команданте, мечется между потребностями комфорта и приключений, устроить же личное счастье не умеет и в конце концов гибнет, защищая Мадрид. Ни ей, ни Эстебану так и не удается преодолеть разрыв между книжной, просветительской культурой и дикой жизнью океана, джунглей, негров.

В этом смысле, в эмоциональном, роман разочаровывает, а побеждает в нем изощренная стилистика, эрудиция автора да идеи просветительства. Немало страниц посвящено гильотине и каперству. Вместе с автором посещаем практически все крупные острова архипелага, а также Гвиану, извлекаем много полезных сведений. Роман рассудочный, рациональный – так писал бы Вольтер, иллюстрируя идею. Возникают далековатые аллюзии и даже насмешки над Фиделем Кастро, Адольфом Гитлером и Иосифом Сталиным, просто потому, что автор, живя после них, обобщал уже и их опыт, но прямых сопоставлений нет.

Алексей ИВИН
(опубликовано в ЖЛКиС)

78. Altri tempi, другие времена
Бочков А. С. Вологодский нестяжатель
Леденцов Христофор Семенович. – М.:
Киммерийский центр, 2014. – (Императорское
русское историческое общество). – 512 с.

Еще лет 15—20 назад по стране распространялся воистину дикий вой: «Хватит разбрасывать камни! От государства уже ничего не осталось. Пора укреплять историческую память и собирать Русь». Сейчас, похоже, тренд прямо противоположный: написаны широковещательные биографии Скобелева, военачальников, завоевателей и всех царских толстосумов, всех великих князей и даже, по-моему, А. Х. Бенкендорфа, А. С. Шишкова и Ф. В. Булгарина. Хорошо забытое старое стало опять великолепно новым, а все рутинеры – передовыми людьми своего времени. Люди, скомпрометировавшие себя доносами, расправами над революционерами, казнями и ссылками тех, кто боролся за социальные реформы в пользу рабочих, крестьян и нижних социальных слоев, – предстали ангелами в белоснежных одеждах. Тюремщики, реакционеры, царские министры, Победоносцев (Обедоносцев, Бедоносцев, Доносцев) и Леонтьев стали выразителями передовых чаяний охранительного ХХI века в России. А уж святителей и передовых священников хоть пруд пруди. Мы обрядились в старые одежды и щеголяем в них, как в новье. Оказывается, жирные и богатые – это и есть праведники.

Как сказал бы А. С. Бочков, «O tempora, o mores!» (он часто употребляет в своем повествовании латинизированные эпитафии). Эта его книга – широкая компиляция всевозможных сведений об ученых, научных сообществах и предпринимателях 1842—1920 примерно годов. Автор активно собирает камни, а фигура вологодского богача и миллионщика Х. С. Леденцова – только повод широко обозреть, в цифрах и фактах, состояние дел в экономике, науке и изобретательстве. Причем в книге сквозит преклонение и пиетет перед этим благотворителем, нажившим большие капиталы на льноводстве: тот в 1907 году решительно все свое состояние (2 млн. рублей) завещал «Обществу содействия успехам опытных наук...», которое сам же и учредил. Вышло в результате, что он прямым или косвенным образом помог и Менделееву, и Циолковскому, и Можайскому, и Шухову, и многим другим, пока в 1918 году большевики Общество не расформировали.

«Ну, слава Богу за всё», – как говорят после трапезы религиозные старушки и монашки в монастырях на покое. Хорошо, что деньги поспособствовали росту российского благополучия, потому что большинство-то высокопоставленных чиновников, в том числе из царского окружения, попросту расточали и проматывали деньги.

Но хочу поспорить с Бочковым на банальном, ненаучном уровне. Во-первых, «нестяжатель» оказывается как раз стяжателем: он присвоил прибавочную стоимость, отнял и стяжал труд вологодских и иных крестьян; он капиталист в чистом виде. А что пожертвовал на благотворительность огромные деньги – так он действовал в соответствии со своей натурой. Он у нас по гороскопу Лев, а богатый Лев склонен к широким жестам, щедрой расточительности и благотворительности. Богатый Козерог вам не даст ни гроша, потому что он обычно скуп, прижимист и всегда эгоист, а богатый Лев засыплет подарками, подношениями и аккредитивами. Он склонен красоваться, блистать, это его стиль поведения. В книге глухо

сказано, что Леденцов не был особо религиозен, на церкви много не жертвовал, – следовательно, в отличие от других богачей, совесть у него была сравнительно чиста. Деньги – это власть и влияние, а щеголять на общественном поприще он любил. Даже детям не оставил больше необходимого (и действительно, в те годы был такой воспитательный метод: а зарабатывай-ка ты, сынок, сам, не боги горшки обжигают, торгуй папиросами).

У другого современного вологодского писателя и режиссера-документалиста А. К. Ехалова есть короткометражный фильм «Сокровища нестяжателей» – про хобби и полезные увлечения обычных вологодских баб и мужиков: вот те-то, занюханые, со странностями, простецы и чудики, которые собирают старинные замки и ухваты, коробы и пестери, ободья и дресву – те, пожалуй, действительно нестяжатели: юродствуют по-своему, по-русски в эпоху поголовного утилитаризма и культа денег, пытаются сбыть свой «товар» богатеньким иностранцам. Вот здесь, пожалуй, имеем авторский демократизм, народность и прославление русского нестяжательства. А меценат Леденцов (которого автор отчего-то именуется «мыслителем», хотя в тексте цитируется только его завещание и больше никаких его мыслительных усилий не явлено) не подходит под это определение. Не получается икона из толстосума, уважаемый А. С. Бочков. И семейные условия у нового святого довольно обычные (отец тоже был местный богачей: «должен и сын героем стать, если отец герой»), и жена обыкновенна (четверых родила, двое близнецов умерли в детстве), и переезд из Вологды в Москву к родне, а также сотрудничество с другими богачами той эпохи, – нет во всем этом даже повода для создания иконы праведника. Так что Иов, который вначале роскошествовал, а потом валялся в язвах и лепре – тоже никак не соответствует типу. Ну, нравится иным нуворишам швыряться деньгами, – нет в этом ничего сверхъестественного и удивительного. Леденцов просто избрал достойный предмет для капиталовложений: Московский Университет и Московское Техническое училище, ученых, изобретателей, инженеров и техников; в науку верил человек, в то, что она возродит и обеспечит Россию довольством. В его случае, как и в случаях Нобеля, Сахарова, Солженицына, Бродского и других, есть момент самоотрицания: ты изобрел динамит (не без помощи русских, предостерегает Бочков), или ты создал водородную бомбу, стяжал славу, премии и вернулся на всех парусах в Россию, от петербургских каналов, поплутав, прибил к венецианским – во всех этих случаях есть некая внутренняя порча и самооговор: дожили до того, что себя отрицаем, – так давайте же учредим общество ко всеобщему благу; возможно, наши преемники, лауреаты наших премий будут лучше нас. Из динамита, бомбы, ГУЛАГа мы создали учреждения к общей пользе – ну что ж, бывают превращения куда занимательнее. Да вот хоть мы: мы же ныне, по многим параметрам, живем в реальности, параллельной XIX веку, – и ничего, как будто так и надо.

С одной стороны, если цитировать Евангелие, как часто поступает Бочков, эта книга не очень-то и нужна: богатые «уже имеют свою награду на земле» и «легче верблюду пройти через игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное». С другой стороны, в книге собран богатый статистический материал по истории науки и техники с 1842 по 1907 годы – роспись значимых событий по годам, а в приложениях опубликован статистический очерк по истории Вологды, когда купец Х.С.Леденцов был там городским головой (1893—1897 гг.; это издание, кстати, поддержано и Вологодским землячеством в Москве). Так что, с другой стороны, книга, конечно, полезная, насыщенная цифрами, фактами и документами. Но я – честно – не воспринимаю существа такого избирательного «воскрешения мертвых» и такой собирательской работы. Уж если извлекаете из небытия Леденцова, Гапона или Скабичевского, так тотчас же дополняйте свои изыскания книгами о Степняке-Кравчинском и Вере Фигнер: тоже небезынтересные были люди. А то прогресси-

стов и революционеров замалчивают и изничтожают, а консерваторов и «купчину толстопузого» потянули на постамент. При социализме было с точностью до наоборот, и получился перекося. Запомняли уже?

(рецензия опубликована в ж. «Москва», №6 за 2015 г.)

**79. Издательство «АСТ» разорилось недаром
Мэри Бэлоу, Настоящая любовь: Роман/ Пер.
с англ. Е. А. Коротнян. – М.:АСТ, 2005. — 318 с.**

Отстой и подлость – платить переводчику и печатать такие «тексты». Крупный земле-владелец перерягается разбойником, чтобы улучшить свою репутацию среди фермеров. Всё высосано из пальца, нет верных положений, сцен и характеров. Эта дама, Mary Balogh, г.р. 1944, написала сотни таких «романов». Давайте переведем их все, а своих писателей пустим по миру в рубище. Не понимаю таких авторов и АСТ, которое издает эту чепуху навалом. Сочинения московских десятиклассниц написаны тщательнее.

На Западе лучше всё, господа из АСТ! Даже дрянные писательницы.

Алексей ИВИН

([битая ссылка] www.LiveLib.ru)

80. Без тщеславной почесухи

Лакшин В. Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. – М: Моск. рабочий, 1989. – 448 с.

Некий Мосхион говорил: «Если хочешь, чтобы тебя похвалили, научись хвалить другого и тем самым приобретешь заслуженную похвалу». Вот еще бы не через Википедию узнать, кто такой Мосхион. Очевидно, древнегреческий философ, но вот, гад буду, что он написал – не знаю. И в правдивости этого изречения сомневаюсь. Потому что если бы он был точен и не изрекал чушь, даже я знал бы и почитал его как человека, равновеликого Плутарху, Платону и Аристотелю. А я его путаю с Эсхином (не с Эсхилом!), и значит, он чересчур увлекался дифирамбами в адрес современников, а тем более авторитетов.

Конечно, книга воспоминаний В. Я. Лакшина производит не столь величавое впечатление, как «Жизнь двенадцати цезарей» Светония или «Параллельные жизнеописания» Плутарха. Но она ведь и отстоит от нашего времени не столь далеко. Лакшин описывает характеры и поступки симпатичных ему людей с юмором и с любовью. Читая живые портреты Твардовского, Соколова-Микитова и Маршака, я нередко смеялся, поражаясь точности наблюдений. И не всех своих персонажей он славословит и хвалит. И все же впечатления от его книги не окончательные, временная дистанция слишком мала, чтобы о самом мемуаристе высказаться определенно.

В этой книге он душевен, тонок, занимателен, умен, скромнен, хороший портретист; благодаря ему, я полнее представил роль и значение литераторов, которых люблю (Соколов-Микитов, М. Булгаков), но сам Лакшин слишком в тени и представлен только как работник «Нового мира».

(А part: я вот тоже с начала 1980-х годов в Малом Путинковском переулке бывал, но, в отличие от него, ни фи́га, ни малейшего пиетета не испытывал, а впоследствии и напрямую перессорился со всеми, за исключением нынешнего главного редактора. Может, я хам, а надо благоговеть и трепетать? Да, конечно, почему нет? Но только в случае, если бы в журнале сидел безусловный для меня авторитет, вроде Твардовского, и туда заходил другой, вроде Солженицына. Но ведь в 80-е годы там уже было выбитое поле и заседали одни Мосхионы. Того же Залыгина или Р. Киреева я элементарно не уважал – ясно, что ни в штат меня не взяли, ни в номер не запланировали).

И еще одно: В. Я. Лакшин еще верил в силу слов, иначе бы не взялся за словесное портретирование. Нынешние – и не только в редакции «Нового мира», а и среди московских критиков и литературоведов, – верят только в одно: в видеосъемку. Мастера слова якобы, а лезут перед телекамерами, и шабаш! Так что, Владимир Яковлевич, изобразительные средства в литературе расширились, но за счет визуальных. «Любят возлежать на собраниях и принимать рукоплескания от народа», – вроде бы так (типа того) говорил Иисус Христос.

И, конечно, при такой тщеславной почесухе наш современник В. Я. Лакшин еще воспринимается как хороший литератор, а нынешние, особенно редакторы и филологи, – уже просто как безвестные византийские комментаторы текстов 6—8 веков н. э. И сами неизвестны, и талдычат о неизвестных. Мельчаем, Владимир Яковлевич!

(опубликовано в ЖЛКиС)

81. Лепта в историю
**Грицук-Галицкая И. А. Божья коровка, улети
на небко: Семейные хроники. – Ярославль,
Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати»,
2008. – 488 с., фотоальбом с 424 фотоилл.**

После этого произведения я совсем «расконтачился» с писательницей И. А. Грицук-Галицкой: перестал понимать. И даже пожалел, что прежде хвалил ее романы «Александр Невский. Триста лет рабства» и «Мерянский роман о князе Ярославе и мудреных женах». Мы оба в этом не особенно виноваты, а так идет по жизни: даже заочные отношения изживаются, как местность вокруг неустанного пешехода. Эта документальная книга, по моему, будет интересна людям в количестве не больше того тиража, каким издана (500 экз.), то есть Галицким, Дормаковым и всем, в ней упомянутым. Это ученый труд, прилежно собранная информация о жизни нескольких родов, семейная хроника.

Нет, я-то в простоте сердца надеялся, что это будут «Детские годы Багрова-внука» или, что еще лучше, «Детство», «В людях», «Мои университеты», то есть тоже семейные хроники, но *художественные*, когда судьба человека не механически вставлена в выкладки и росписи рода, а переработана воображением, чувством, талантом воспринимателя. Но нет, увы. Во всей книге – уж пусть меня простят – художественно только ее название, от которого так и веет наивной прелестью детства, игр и восприятий, да еще реплика деда Матвея Петровича Дормакова к внучке: «Ирка, сопля зеленая, сверни мне сигарку» (как-то так, не нашел точной цитаты). Именно эта фигура, деда по матери, жестянщика, печника, родового «кореня» (в такой транскрипции), с которым мемуаристка соприкасалась в детстве, наиболее выпукла, объемна, дана в сценах и маневрах, и характер изображен русский (в поведении). Все же остальное, к сожалению, тонет в блеклой и самой невыразительной журналистике и сводках архивиста для памяти.

Название художественное, иные фрагменты тоже здорово выписаны, но в целом книга документальная и даже местами реестровая. Как амбарные записи или как у евреев: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова... Я не случайно вспомнил здесь Библию. К 300-ой странице текста я понял, что имею дело уже не с русским самосознанием или просто сознанием (психотипом), а с еврейским. Кое-где эта книга, например, поразительно схожа с «романом» «Опыт семи возрастов» М. Фридмана, которую тоже как-то довелось рецензировать и которая поразила меня совершенно неподвижным, мёртво констатирующим стилем и застылой стилистикой фиксации (и все это занудство, немислимое с художественной точки зрения, было окрещено «романом»). И в книге И. А. Грицук-Галицкой, которая, в построении, отчасти имитирует Библию, эта странная застылость родового сознания и идиотическая конкретизация каждого чиха, каждого шага любого из упомянутых родственников неизбежно производит прямо анти-изобразительное воздействие. Пришло на ум, что это (упаси боже этим сравнением обидеть именно Ирину Алексеевну!) похоже на картины известного сумасшедшего художника Ситникова, который рисовал почти исключительно московские храмы в снегопад, причем выписывал каждую снежинку на особицу, индивидуализировал: получалась рождественская заснеженная ночь, в которой пьют, дерутся, молятся, воюют, любят (много чего изображено). Вот только у Ирины-то Алексеевны Грицук-Галицкой босхианских картин нет совсем, а снежинки выписаны все тщательно, даже если только упомянуты.

Я не смеюсь, а разбираюсь в ситуации. Книги, подобные этой, я и прежде встречал (например, критика М. П. Лобанова, тоже большой фолиант с семейными и родовыми фотографиями), и теперь задаюсь вопросом: а насколько это нужно? Понимаю: время собирать камни, время разбрасывать, – и понимаю тоже, что это была внутренняя потребность самой писательницы (она по знаку зодиака Рак, а Раки очень обращены к доброй старине и семейным ценностям, уважают их и сами всё пятятся-пятятся назад, в прошлое). Но всё-таки много ли найдется прилежных читателей у такой книги? Разве только те же архивисты, историки, комментаторы и интерпретаторы литературной периодики и культурной жизни Ярославля (вот именно что с краеведческой точки зрения). Но этого же мало. Книга не интересна – для массового читателя, особенно в тех местах, где в стиле казенных безликих автобиографий и хронографов даны генеалогические факты (весь реферат Е. Н. Дормакова и многое-многое другое...). Похоже на протокол отчетно-выборного собрания советского периода...

Может быть, трилогия М. Горького удачна потому, что там в центре повествования, как ни крути, сам автор, а уж генеалогия и род *подстроены* под него. Здесь же, в книге Галицкой, и сама она выглядит, как сбоку припека, и самоаттестация какая-то робкая и конфузливая. Вот как у ранне-христианских хронистов (да хоть русских XI века), которые с сокрушением сердца и реверансами добавляли где-нибудь в середине или в конце текста: «писал сие Ивашка раб недостойный септемвря 12 числа».

А поскольку автор такой скромняга, присутствует сбоку и без образа, кто будет связывать персонажей, родню? А вот дед М. П. Дормаков и вынужден как самый удавшийся образ. Конечно, от документалистики и не следует спрашивать сильного воздействия, но если не воздействовать на читателя, – зачем писать?

А работа по сбору и укомплектованию информации проделана огромная, притом что, раз нет редактора, кое-где выпирают непритертые углы: например, в главке «Храните преданья», где, как в аргентинском киносериале, автор вынуждена конспективно повторять содержание предыдущих серий.

Не знаю: возможно, здесь проглядывает мое общее разочарование в деятельности так называемых «шестидесятников». Досадно ведь и то, что Галицкая известна гораздо меньше, чем, например, ее сверстники А. Битов и В. Маканин. Ну, допустим, что она написала меньше, чем они. И все-таки это несправедливость: почему она не так популярна, как они?.. Не вижу у них больших преимуществ: тот же Битов иногда страшно тавтологичен и зануден (попробуйте прочесть, например, его повесть «Колесо»: бессмыслица такой крутизны, что не за что зацепиться ни мысли, ни чувству). Тот же Маканин излишне многоречив и расплывается, пишет почти исключительно обиняками и намеками, сказать с «последней прямой» не может, а ранние повести, опубликованные им в журнале «Москва», теперь совсем не интересны, совсем. А ответ прост: Галицкая провинциалка, ярославская мещанка всю жизнь (термин от слова «местная», а не в упрек). Они там, в Москве, думают: «московиты мозговиты», а ни фига подобного, не всегда так. Очень много талантливых и всероссийски известных людей живут в провинции. Так что не задавайтесь, господа из столицы.

Словом, эта историко-генеалогическая книга мне не понравилась. Род, Ирина Алексеевна, хоть ваш, хоть мой, хоть чей угодно, – структура гораздо более жесткая, жестокая, напряженная и противоречивая настолько, что ею можно проиллюстрировать всю науку кон-

фликтологию в полном объеме и отечественную историю, в частности (а уж историю-то вы знаете). Род – это жуть глубины, страх высоты и чего угодно. Недаром, вся Библия – это, по сути, выяснение родовых взаимоотношений, а все евангелия – от всех протоколистов, не только от четверых, – в хорошей, лаконичной и достаточно художественной форме изъясняет взаимоотношения Человека и Рода.

Вот этим упреком и хочу завершить разбор. Нету Человека в вашем сочинении, только Род, ОБЩИНА, общество, коллектив, социум, родина. Он, человек, как и у хронистов XI века, отчего-то у вас подчинен обществу, как вот в государственных закромах хлеб с ярославского элеватора. А между тем у С. Т. Аксакова, у А. М. Горького он не подчинен, а сделан, чувственно, любовно и литературно, так, чтобы воздействовать. И мне это досадно в том смысле, что, как ни бились В. Астафьев, М. Пруст или Д. Хармс за человеческое достоинство, опять мы имеем в современности множество примеров унижения и тиранства. И опять много собирателей (Руси, Отечества) и синтезаторов, а аналитиков и ниспровергателей опять мало. Цепенеет в нашем любимом застое. А тут еще вы со своей семейной хроникой.

Но поскольку я занимаюсь тем же, что и вы, но иными методами, то и поздравляю вас – с нетривиальным сочинением. Люди, конечно, воспользуются опубликованными фактами, в век-то информатики, но только что-то мне это не нравится.

(опубликовано на [битая ссылка] www.LiveLib.ru)

Алексей ИВИН

82. Борьба с последующим обессиливанием Платеро и я: Повести/ Пер. с англ. и исп. Сост. В. Ашкенази. – М., Правда, 1990. – 480 с.

В книгу вошли известная повесть канадского писателя Ч. Робертса «Рыжий Лис» (ее я читал еще в детстве), повесть нобелевского лауреата Хуана Хименеса «Платеро и я» – про осла и испанский быт (она показалась надуманной и излишне изысканной) и повесть «Непорочная» Ф. Д. Дэвисона – из быта австралийских гуртовщиков (прославляет свободу и независимость). Все три произведения о животных. Их я оставлю без подробного разбора, а сразу обращусь к большой повести Марджори Ролингс «Сверстники» («Погодки», «Yearling»).

Чтобы женщина так писала о природе и охоте – этого не может быть. Вот просто не может быть, здесь какая-то загвоздка. Какая-то гендерная загадка. Она-то меня и заинтересовала. И если я выскажу завиральные идеи, вы меня поправьте.

Повествуется о фермерской семье (отец Пенни Бакстер, мать Ора и сын Джоди), борющейся с повседневными трудностями на своей бедной «росчисти», как выражается переводчик, в штате Флорида. Быт суровый, нравы пуританские, но вместо привычной у пуритан религиозности – поэтизация природы. Что-то похожее на «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Торо, и время то же, с той разницей, что пишет женщина через восприятие мальчика Джоди. Его постоянно тянет в лес охотиться, а его нагружают хозяйственными заботами. Из сцен, подведомственным писательницам, здесь налицо, пожалуй, только одна: когда Ора использует мужа как манекен для примерочной разметки ткани. А все остальное – драки, дружба и вражда с соседями Форрестерами, жестокие погони и травли вороватого медведя, борьба со змеями, наводнения, моры, засухи в лесу, охоты на оленей, голубей, енотов, белок, окуневая и форелевая рыбалка, заготовки дров, дикого меда, воды, сена, кукурузы на зерно, рытье колодца – все это ну никак не могла написать женщина, потому что они в этом некомпетентны. (Похоже, это удивило даже американских критиков и журналистов, раз они присудили Марджори Ролингс Пулитцеровскую премию).

Дикая природа и хорошее знание повадок лесных зверей и птиц – это с одной стороны. А с другой – беспощадно точное описание кризиса семейных отношений и стресса. Возможно, меня поразило и это, второе. Здесь очень точно переданы привязанность мальчика к отцу, удачливому охотнику, и к жертвенной матери, которая все на кухне да в огороде, а бедность по-прежнему безвылазная. И вот эта семейная диспозиция такова, что ясно: мальчику Джоди не на что надеяться в будущем, ему все запрещено, и хоть он дик и здоров, но – вытеснен из дому, что особенно очевидно, когда укусы змеи и грыжа выводят из строя неунывающего Пенни Бакстера. Борись, окучивай кукурузу, огораживайся, заготовливай шкуры пушных зверьков или разводи свиней – какой смысл? Неурожай, голод, природные катаклизмы, рыночная конъюнктура всё вновь отнимут. Новое ружье купить не на что, колодец вырыть – нет средств, а временами и голодать приходится. Да еще медведи и волки то и дело грабят усадьбу.

И вот в этой пиковой обстановке, вытесненному из-под родительской опеки, привязаться к олененку, которого сам выкормил, и тоже, выходит, напрасно, – прямая трагедия. Папа любит маму, а тебе кого любить, на кого перенести свои заботы? А вот, выходит, на друга олененка, который провинился перед родителями и которого приходится убить.

Но у кого в детстве не было друзей, у тех проблематично создание собственной семьи. Именно это, следовательно, для Джоди и приутожили родители и жизнь. По психоанализу, ситуация такова, что один друг – мальчик инвалид из соседней усадьбы, у тебя умирает, другой, которого сам воспитал и вынянчил, вредит интересам семьи, разрушает ее гармонию и потому подлежит уничтожению. Детскому сознанию не справиться с такими контроверзами. Джоди в запале кричит, что ненавидит родителей, и убегает из дому. Ах, вы не позволяете мне самостоятельно зажить, не даете организовать семью хотя бы с Тельцом (а он с олененком в прямом смысле спит в одной постели)? Я вас проклинаяю и ухожу.

Типичный стресс: разрешить ситуацию нельзя, сознание манифестирует и прибегает к экстренным мерам. Уйти от этих мерзавцев, которым никогда не выкарабкаться из нищеты, ведя подобный образ жизни, – бесперспективный, трудовой и скрупулезно честный. Ребенок, считай, вытягивает уже все фермерское хозяйство, а воздаяния не имеет, кроме лицемерных сентенций отца и попреков матери. Через три дня голодных скитаний и приключений мальчика подбирает капитан колесного парохода. И он, конечно, иллюстрируя вековечную притчу о блудном сыне, возвращается в семью, мечтая с голодухи хотя бы поесть рожков из свиного корыта. Не очень-то жизнеутверждающий финал, прямо совсем без борьбы.

В 1946 году в США по этой повести близко к тексту был снят фильм с Грегори Пеком, который демонстрируется и у нас прокате под названием «Олененок». Жаль, что так мало переведено произведений Марджори Киннан Ролингс, – собственно, только это. В них, в общем, проповедуются простые ценности, и почти без налета дидактизма и низкосортной педагогичности, но очень жизненные.

Как жить, Господи Боже, если тебя так грубо программируют и развернуться во всю мощь не дают? Детство – отрада жизни, а они говорят: мы не можем тебя прокормить, мы устали.

([битая ссылка] www.LiveLib.ru)

83. Братья Барадлаи в вихре лет Йокаи, Мор, Сыновья человека с каменным сердцем: Роман/ пер. с венг. А. Гершковича и Б. Гейгера, предисл. И. Липпаи. – М.: ГИХЛ, 1959. – 620 с., тир. 75 тыс. экз.

Вот настоящая романистика! Во-первых, занимательно, во-вторых, познавательно, в-третьих, блестяще написано. В сущности, если из-под завалов плохого литературоведения, из-под многометровых напластований романной графомании извлечь рациональное жемчужное зерно истины, то роман – это хорошо рассказанная сложная история. Когда действуют многие герои, важно их индивидуализировать, связать друг с другом, проследить поступки, не запутавшись в них.

У Мора Йокаи действуют три брата, их невесты, их мать на фоне венгерской революции 1848—49 годов, подавленной – к сведению наших господ патриотов – русским оружием (как и 120 лет спустя). В отличие от романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», здесь поступки героев направляет их мать, а не отец, отношения родичей попримечательнее, но детективная интрига также присутствует. Но фон, колорит, обрамление этих двух романов поразительно разнятся: у семейно-бытового романа Достоевского театрализованный задник, декорации – это Бог и попы, у романа Йокаи – национально-освободительное движение и соответственная тональность, светлая, героическая, романтическая. Общее, пожалуй, то, что на романистов отчетливо повлиял могучий гений Виктора Гюго, но Мор Йокаи воспринял не морализаторство и сострадательность, как Достоевский, а свободолюбивый пафос и романтические котурны, да еще, пожалуй, некоторые композиционные приемы.

Хотя между ними тоже не без разбирательств, братья любят друг друга, а младший даже жертвует жизнью, но М. Йокаи не впал в аналитически-мазохистский тон, не стал жевать чувства и проповедовать раскаяние и всепрощение: сюжет движется свободно, без напряжения, через поступки (не через разговоры). Замечательны картины венгерского народно-освободительного восстания против австрийского владычества, военные сцены передвижений и сражений повстанческой армии, а осада и штурм крепости в Буде – это как «93 год» В. Гюго, Лантенак и доблестные защитники замка. Это в похвалу, не в упрек венгерскому прозаику, у которого драматизм и комизм – художественные приемы и эмоциональный движитель.

Перевод А. Гершковичем первой части романа мне показался несколько более художественным. И вот еще что позабавило. Как видно, не только у Дюма-пэра растет развесистая клюква, едва речь заходит о России. По сути, Россия для Европы – такая же экзотика, как для нас Бразилия. Русским из этого и следует исходить, а не обижаться. Многие европейские авторы тотчас попадают на удочку стереотипов и небывальщин, перенятых подчас у наших же авторов – Пушкина, Лермонтова, Толстого: страшные морозы, ярые казаки, бураны, медведи на улицах городов, вызолоченные дворцы. Забавно читать, как старший Барадлаи, Эден, с товарищем зимой удирают в кибитке от разбойников, как после разбойников и жестокого бурана на них нападают волки – тысячная стая! – как друзья спасаются от них по замерзшему Днепру на коньках (!, 1831 год), как один проваливается в полынью, оставленную рыбаками, а другой его оттуда вытаскивает. И в петербургских сценах, и в этой,

с волками, которые преследуют конькобежцев по льду, а то еще и речные изгибы срезают, чтоб уж наверняка доконать, немало забавных преувеличений, зато как романтизирована мужская дружба и взаимовыручка! Понимаешь, что это всего лишь прием, зато как обновляется взгляд на наши же реальности!

Превосходны все сцены с говоруном, вруном, трусом и авантюристом Зебулоном Таллероши. Герои попадают в самые невероятные приключения, но к концу романа перестают выходить сухими из воды, а некоторые гибнут.

Отличное чтение, друзья, рекомендую. Прозаика Мора Йокаи я полюбил еще прежде, после «Желтой розы». И, в отличие от вас, у меня есть в запасе еще один непрочитанный роман этого автора – «Черные алмазы», – вот так!

А вот интересно: раз об исторических событиях можно написать столь занимательно, спрашивается: о нашей революции 1991—1993 годов (а это была, пожалуй, и впрямь революция) кто-нибудь из русских современников сочинил занимательный, информативный и вместе с тем художественный роман? Чтоб не суконным языком газетных передовиц, не с поминутными ссылками на Бога и Русь православную, не со страдальческой грубостью, пошлостью, матюгами и злобой, а вот чтоб интересно было читать и характеры у героев соответствовали правде? А? Что-то не помню такого, но, возможно, потому, что с современной отечественной романистикой плохо знаком.

([битая ссылка] www.LiveLib.ru)

84. Бродяжья участь

П. Г. Фосетт, «Неоконченное путешествие»/ пер. с англ. С. С. Серпинского. – М.: Мысль, 1964

Персиваль Гаррисон Фосетт (Fawcett), 1.2.1867 – 1925, английский путешественник по Южной Америке. Много сделал для разметки границ между государствами. Пропал без вести вместе с сыном в экспедиции в Бразилию в поисках заброшенных городов (книга «Неоконченное путешествие»). Предполагают, что сознательно обосновался в труднодоступной местности.

«Человек, как бы образован он ни был, однажды познав предельную простоту существования, редко возвращается к искусственной жизни, созданной современной цивилизацией. Тяжесть цивилизованной жизни никогда не ощущаешь в полной мере до тех пор, пока ее не сбросишь».

В этой фигуре, этнографе, путешественнике, археологе, много странного. В своих путешествиях он исполнял почти те же задачи, что и наш путешественник по Дальнему Востоку В. К. Арсеньев; стремясь точно назвать местность, рельеф, рекогносцировать и определить маршрут, они также весьма похожи (по стилистике).

Странность еще вот в чем. Последнее путешествие Фосетт совершал вместе со старшим сыном Джеком и его товарищем Рэли. Так вот: Джек в одном из писем, готовясь к поездке, сообщает о предстоящем дне рождения отца – 31 августа, младший сын, Брайан, издавая материалы экспедиций отца, оставляет это сообщение без изменений, следовательно, согласен с братом (да и кому знать о дне рождения отца, как не сыновьям!), а между тем все официальные источники, в том числе издатели, утверждают, что Фосетт родился 1 февраля 1867 года. Кому верить? Вокруг таких таинственных личностей и донкихотов всегда много путаницы и домыслов. Вполне могло быть, что он остался в лесу (с людоедами). И то: уж лучше голым в сертане среди индейцев, чем в цивилизованном обществе. Счастья и простодушия искал человек, а не заброшенных городов инков.

Алексей ИВИН

85. Ежи Брошкевич
Ежи Брошкевич, Образ любви. Письма
Шопена/пер. с польск. и фр., вступ. статья
И. Бэлзы. – М.: Правда, 1989. – 544 с, ил.

Многословная, нехудожественная книга, особенно первые две части романа Е. Брошкевича. Автор, музыкант и музыкальный критик, не владеет приемами художественного воздействия. Третья часть, где заходит речь об отношениях Фридерика Шопена и Жорж Санд, живее, но тоже обзорная, как большая докладная записка. Композитор, гордец, страдалец, аристократ, отчего-то не вызывает симпатии даже под ударами судьбы.

Алексей ИВИН

86. Булвер-Литтон

Эдвард Булвер-Литтон, Последние дни Помпей. Пелэм, или Приключения джентльмена: Романы

«Пелэм, или Приключения джентльмена» написан в 1828 году, раньше, чем «Последний день Помпеи». Видно, сказался опыт, потому что «Последний день Помпеи» выстроен уже умело, если не сказать превосходно, с отличным знанием законов драматургии, увлекательным сюжетом и характерами (недаром впоследствии был экранизирован). А «Пелэм» – совсем пустой и длинный роман о светском фате и кутиле. Думаю, и переиздают-то его потому, что Пушкину нравился. Написан, когда автору было 25 лет всего. Пелэм, конечно, очень похож на излюбленных пушкинских героев: сибарит, петиметр, щеголь, прожигатель жизни, завсегда балов. Много живописных описаний вкусных обедов, описаны кутежи, карточные игры с шулерами, затронута парламентская деятельность. Много светской болтовни и остроумия, герой – повеса, который постепенно разочаровывается в жизни. К концу романа припущена детективная интрига, но роман производит впечатление бесформенного. В тексте такое обилие ученых латинских цитат и эпиграфов, такое количество французских заимствований и словечек, что это выглядит изящно и легкомысленно до неприличия (макаронический стиль, барокко). Э. Булвер-Литтон был другом Ч. Диккенса, но диккенсовского демократизма совсем нет в его романах.

Алексей ИВИН
([битая ссылка] www.LiveLib.ru)

87. Бытовуха

Петрушевская Л. Три девушки в голубом: Сб. пьес/ статья Р. Тименчика. – М.: Искусство, 1989 г. – 399 с.

Они чего вообще думают, наши авторы? У них же коллективное бессознательное в чистом виде, а где свое, сознательное? Я знал, что пьесы читать – не очень правильно, их надо смотреть и слушать, но когда Петрушевская во всех четырех начальных пьесах усаживает героев за стол – обедать, выпивать, перебрасываться репликами, – я засомневался. Это что, драматургический прием? Какое может быть действие, если герои сидят за столом? И чего мне ссылаться на бездеятельную драматургию А. П. Чехова – у него хоть подтекст вроде бы есть. Иными словами, поскольку Петрушевская живет в СТОЛице, она тотчас усаживает героев за СТОЛ, и ничтоже сумняшеся, вся в коллективном бессознательном, считает, что она новаторша, что у нее особый театр, наследует Чехову. Вы пересмотрите фильмы брежневской поры – эпохи застоя. Да нет ни одного, где герои бы не пьянствовали, в чаду перебивая друг друга, мешая здравницы с ругательствами. Они Овода готовы засадить за стол и заставить разглагольствовать. Почему? Потому что в СТОЛИЦЕ живут. Они у нас столичные жители, писатели-то наши, это как бы тавро дворянства; «я вырос на Арбате, арбатский дворянин».

Так что я прочитал только четыре первые пьесы, причем три одноактные, полные (или пустые?) бессодержательного бытовизма, которого и в романистике тех лет хоть метлой мети (у того же Маканина), и «Три девушки в голубом» читать уже не стал: а вдруг и там, распивая, героини разглагольствуют об абортах, ценах на рынке, у кого поселиться, как прописаться, кто какой муж, и все в средних пропорциях межеумочного дамского житейского опыта.

Да нет же, кто против Людмилы Петрушевской? Да пиши она хоть еще столько же про пошлость пошлых, обиженных и неустроенных своих героинь, – действия-то нет, познавательного-то интереса ноль; где «Строитель Сольнес» замышляет хоть каких-либо деяния, хоть трошечки оторван от земли и стремится взлететь? Ну пошлятина же непрерывная, фотододело налаженное литературное стандартизованное, – отчего критики и ревнители советской драматургии с ума-то сходили? Вот по пункту «трепотня за столом» все это и идет. Кто не слышал, как соберутся две-три женщины и ну о детсадовских воспитательницах, о детках, отметках, пустых прилавках, засолках-заготовках, международном положении, – кто свою жену с подругой не заставал вполпьяна на кухне – те пускай это и читают. Чехов, не Чехов – мне по фигу, главное, что это плохо (и написано тоже), пошло, мусорно, муторно, и если бы предложили билет на спектакль по ее пьесе, то теперь и не пошел бы. Я человек азартный, мне статика не интересна, я в ней живу и вязну, государство у нас такое, вроде стоялого болота. Так что, Людмила Стефановна, извините: диссиденты в те же годы были поострее и похудожественнее. А вы с Маканиным чего-то прямо по уши залезли в косный быт и там увязли; а косный быт художественно и увлекательно не изобразишь, если реалистически изображать. Ионеско с Беккетом со своими насмешками и то тут не помогут, а уж всерьез-то эти онучи сушить – зачем? Где цель высокая, и правда, и подвиг?

88. Наталия Вико
Вико Н. Мозаика любви и смерти. –
М.: Дайджест, 2001. – 224 с., 16 л. ил.

В хорошей прозе есть что-то безусловное. Поэтому о ней часто хранят молчание. А копыа ломают, спорят и премии дают графоманам (пусть они не обольщаются на свой счет). У Наталии Вико хорошая проза. Но, в отличие от спорных произведений, ее сочинения хочется еще прочесть. При случае это сделаю. А пока спасибо автору.

А. ИВИН

89. Враждебный рецензент **Юрий Козлов, Враждебный портной:** **Роман, – журнал «Москва», №10/2014.**

Вторую часть романа я не стал читать. Так же, как и вторую часть романа Нат. Кременчук «Смерть на фуршет», опубликованную в этом же издании. В ее романе шла несусветная болтовня о литературной закулисе, о премиях, скандалах и персонах, закамуфлированных и без камуфляжа. Главное же изумление для меня было в том романе (как и у Козлова) вот в чем: нет повествовательного интереса, нет интриги, завязки, развязки, кульминации, сцен, хорошего языка. О подоплеке литературных сенсаций и достижений можно прекрасно написать, если организовать материал. То есть, если написать роман, а не навалить горой скучную трескотню и сплетни, как сделала Кременчук.

Вот и Ю. Козлов все это дело назвал романом и даже издает отдельной книгой в «Рипол-классик» в серии «Новая классика» (хе-хе, ох, Господи!). В действительности, это та же эссеистская болтовня отовсюду обо всем без единой интересно написанной сцены, зато с языковым щегольством. В одном месте первой части мне показалось, что автор попал в струю и уловил тональность так называемой «ассоциативной» прозы, когда мысль и образы прихотливо сплетаются в повествовательную ткань, но двигателем является не сюжет и не поступки героев, а связь явлений, прихоть метафор и соотнесенностей, – но нет: ему хватило пороку на страницу-другую (вдохновенье поймал!), а потом опять пошла болтовня с претензиями на интеллектуализм (у Н. Кременчук стилистика другая – завистливо-дамских пересудов). Я уже давненько называю такую прозу «болтологией» и «кортасаровщиной»: когда начинаешь со случайной фразы без плана и даже намерений – и плетешь, и плетешь обо всем (Козлов, чаще всего, – о социально-политических статусах и переменных в стране). Ребята, так можно писать километрами, «растекаться мыслию»: тебя ничто не держит в свободно-ассоциативном плавании, но сюжет-то при этом стоит. И провисает. Я понимаю Лоренса Стерна и его «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»: сентиментализму, новаторскому течению, важно было въехать в чувственную жизнь героев и максимально изощренно ее описать, – так что не мудрено, что к концу романа у него герой все еще в зыбке. А Козлов-то чего? Он же заявил тему: швейная промышленность, торговля, – ну, так и давай, не отвлекайся: опыт Стерна давно переварен. Но вы же понимаете нынешних «романистов»: разве они будут отсекают лишнее и заботиться о динамике? Этого уже даже Куприн не умел, у которого в «Яме» репортерская фактография просто стопорит весь текст, превращает в неподвижный ком. Ю. Козлову тоже важно вывалить все свое знание, как пошло в корыто свиньям: ешьте! Едят, куда деваться. Хорошо, хоть тираж у журнала три тысячи, а то бы беда... Иначе говоря, Ю. Козлов и Н. Кременчук пишут РОМАНЫ, не имея даже представления о том, что это такое. А роман – это определенный способ воздействия. Вон, возьмите Стивена Кинга: не оторвешься. Потому что он не презирает читателя, а заботится о нем и понимает: нужна интрига, изюминка, интерес, новости, секрет, фантастика и прогноз; нужно свое знание, хотя бы в пошивочном деле, так оформить, чтобы увлекло тех, кто прочтет. И уж если ты заявил тему – швейная промышленность, шмотки, торговля, – так будь добр, подобно Артуру Хейли в «Аэропорте», изучи тему и сплети свое знание и опыт в увлекательнейшее повествование. Какое там! Зачем это? Пипл схавает.

И самое для меня странное, что они все такие: и в «Новом мире», и в «Знамени», и вот в «Москве»: абы что, абы как, «тексты»! Что эти их «тексты» (привет зав. отделом

прозы Т. Неретиной!) – чистейшая неотобранная ахинея, ни ладу, ни складу, а просто вывалено, как очистки в корыто, – это их совершенно устраивает: и редакторов, и авторов, и, как видно, читателей. Вот что самое поразительное. Критериев романистики как будто никогда и не было. Что сцену нужно продумать и написать. Что сюжет нужно двинуть. Что характер обязан действовать и быть типическим. Что вообще-то с фабулой и сюжетом можно поэкспериментировать, как поступил Лермонтов в «Герое нашего времени». Что слово должно значить, а диалог – развивать действие и конкретизировать сцену. Все это и многое другое им точно в новинку, нашим «писателям». С Луны свалились, ваньку валяют. Циничны и нетребовательны ни к себе, ни к людям. Сослаться на великую русскую литературу любят, но всегда спекулятивно, а делать ее – не-е-е, мало платят, невыгодно. Я не прав, что не дочитал ни тот, ни другой романы? А я и не обязан: я читатель, я ищу интереса, новизны, новой информации, человеческой мудрости, организованной пусть в самый обычный, классический, пусть в новаторский роман (разберусь). Но я же вижу, что это выпендрож и «текст», а в этом случае я лучше хоть за Пелевина возьмусь, хоть за Стивена Кинга, хоть за Александра Левитова (не Левитина, умники новомодные!): у тех есть чему поучиться, хоть сюжет строить, хоть сцену расчислить.

Это просто горе-горькое, наши толстые литературные журналы. Такого напихают содержания, такого «разнообразия» достигнут, – и это притом, что у всех «направление» (у «Москвы» – религиозно-монархическое: социолог М. Смолин, вона, реально доказывает необходимость единоличного правления государя! Путина, небось?), – что инде столбенеешь: очень уж похоже на мультипликацию и интернетовских кошечек, – по засилью предложенных услуг, а отнюдь не на шведский стол, как хотелось бы.

Не знаю, ребята, куда вы катитесь, главные редакторы толстых журналов, если у вас не осталось никакого чутья даже на здравый смысл. Ну, фиг с ним, Интернет есть, и на том спасибо.

90. Вэйне Линна

Вэйне Линна, Здесь, под Северной звездой: Роман/ пер. с фин. В. Богачева. – М: Прогресс, 1966.

Все-таки до опыта лучше не судить, лишний раз в этом убеждаюсь. Молодость часто запальчива и настроена экстремистски, а в действительности руководствуется стадным инстинктом. Если бы в 70-е годы прошлого века мне сказали, что Вэйне Линна хороший писатель, я бы возразил сходу: «Что? Финский писатель? Да у них там и литературы-то нет». Потому что советский агитпроп внушал, что хороший писатель – это Шолохов, а «идейно подкованные» друзья – что Бодлер, а прочесть надо «Над пропастью во ржи» и неопубликованный «Чевенгур».

Но теперь очевидно, что в каждом народе, не только в еврейском, есть его летописцы, и они демонстрируют чудеса. Они божественно одарены и заслуживают не одной лишь местной популярности. Вот только время, точнее его политический интерес, одни фигуры выдвигает на передний план, а другие задвигает. А это не есть правильно, как говорят с акцентом шаржированные шведы и немецкие захватчики в этом романе финна Вэйне Линна (Вяйно, в другой транскрипции; родился в 1920 г.). У этого автора есть также, по сторонним оценкам, совершенно блестящий роман «Неизвестный солдат» – о советско-финской войне.

«Здесь, под Северной звездой», средняя часть трилогии, рассказывает о событиях после 1914 и 1918 годов, после объявления независимости Финляндии. Кто, по новому агитпропу, уверен, что всё решают деньги, итальянская певица Мадонна – образец для подражания, а Кирк Дуглас и Стефани Левински... ну, и так далее, – тем, конечно, благоразумнее не брать в руки роман, изданный в СССР при коммунистах. Потому что он воспитывает стойкую и притом художественно убедительную ненависть к богачам и по-настоящему демократичен. И потому что он повествует о бедняках и торппарях (арендаторах земель) в финской деревне и о несостоявшейся финской красногвардейской революции. А вы не знали? Вот и я не знал, что немцы-то выступили агрессорами и потопили в крови восстание финских крестьян. (Как только замирились с Лениным и с русскими).

Добросовестный и трудолюбивый батрак Аксели Коскала работает на попа (лютеранский пастор выведен без всякой симпатии), но демократические перемены преобразуют его в вожака местных социалистов, этакое Макара Нагульного. Ему и его братьям пришлось поплатиться за реквизиции и аресты, когда крестьянское восстание было подавлено, а прорваться в Россию не удалось. Последние главы романа – гражданская война, грабежи, пожары, расстрелы, тюрьмы и страдания от голода и издевательств победившей буржуазии – оставляют горькое и сильное впечатление всеобщей несправедливости. Бедным торппарям, которые потом и кровью отбирают у болот и камней хоть какие-то неудобья, чтобы посеять хлеб, сочувствуешь невольно, когда возвращаются на немецких штыках наглые помещики. За что боролись?

Финал закольцовывается с началом. Только в начале у героя первая любовь, надежды и дети, а в конце – возвращение в дом, где расстреляны братья, разрушено хозяйство, постарели и разуверились старики, а сам еле жив от голода, мучений и страданий; и в довершении в прежней силе поп, на которого батрачил. Вот так, у разбитого корыта! А между началом и финалом – сотни искалеченных и погубленных жизней своих же хуторян, галерея неуны-

вающих финских парней. (По ходу романа, кстати, множество бытовых совпадений и симпатичных сходств с тем, как живут крестьяне в районе города Тампере и, например, вокруг Каргополя: костюмы, словечки, домашняя утварь, поведение людей очень совпадают).

Самые пронзительные и сильные сцены – семейных и супружеских отношений. Написано трогательно и просто. Северянам не надо чужого. И если они ходили под Царьград, так это когда было-то. Но свое они хотели бы иметь и не отдадут.

Алексей ИВИН

(Журнал литературной критики и словесности)

91. Герберт Уэллс
Г. Уэллс, Мистер Блетсуорси
на острове Рэмполь: Роман/пер.
с англ. Е. Бируковой и С. Займовского. –
М.: ГИХЛ, 1960. – 262 с. – тир. 150 тыс. экз

Не совсем обычный, общетеоретический роман; похож даже на социальный трактат: отдаленные приметы просветительства Дефо, Свифта. Написанный в 1928 году, так и дышит высокой верой, что Первая мировая война была последней, что человечество получило окончательный урок и пришло время счастливо жить, торговать и благоденствовать.

Ага! Как бы не так, мистер Уэллс.

Но «систематический бред» как состояние психики и сам остров Рэмполь как параллельная реальность, по-моему, изображены блестяще. Почему-то в моем восприятии одновременно присутствовали еще две книги – «Приключения Весли Джексона» У. Сарояна и книга Т. Хейердала о носатых скульптурах острова Пасхи (кажется, «Аку-Аку»). Должно быть, от излишней начитанности.

92. Герой не нашего времени **Э. Войнич, Овод: Роман/ пер.** **с англ. Н. Волжиной. – Ташкент: Укитувчи, 1984.**

Так сошлось, что я впервые прочитал знаменитый роман Этель Лилиан Войнич и в тот же день посмотрел фильм «Овод», 1955 года, хрестоматийный для советской революционно-романтической кинематографии, с Олегом Стриженовым в главной роли (и тоже впервые, потому что диафильмами и кинопоказами в средней школе пренебрегал).

Необычно, что женщина, к тому же англичанка, которые, как известно, благочестивы и даже ханжеваты (таковы традиции воспитания), написала произведение, выстроенное в таких жестких контрверзах. Не всякому мужчине под силу задать такие вопросы, так схлестнуть противоречия и так выстроить сюжет. Ведь как обыкновенно пишут английские леди, те, что изданы в «Панораме романов о любви»? Влюбленная женщина через многочисленные препятствия и трагические недоразумения, преодолевая их, соединяется в браке с благородным героем. Э. Л. Войнич поступила бы так же благонамеренно, конгруэнтно и толерантно, как нынешние поставщицы чтива, но, во-первых, она писала в эпоху (до первой мировой войны), когда не чуждались конфликтов и еще не скругляли их, а во-вторых, – и это главное, – была женой польского патриота и революционера. Матка Боска Ченстоховска, да не будь этого благородного польского гонору, шляхетской чести и авантюрной жилки, откуда бы взяться такому характеру, как Овод. Он горд, язвитель, отважен, отчаянный храбрец, борец за национальное освобождение и неустойчив в моральном и религиозном смысле. Он попросту атеист, а это уж совсем не приветствовалось бы на туманном Альбионе. Но говорится ведь, что муж да жена – одна сатана. И Лилиан Войнич прекрасно изобразила романтического героя, даже если сознательно и не стремилась списывать его с мужа и переместила действие романа не в Польшу, а в Италию, во времена, когда там разворачивались гарибальдийские и мадзинистские патриотические движение против австрийцев. Чистокровная англичанка так бы себя не повела (симпатизируя иноплеменникам), но на судьбе Джорджа Байрона, Джеймса Джойса, Р. Л. Стивенсона, других «отверженных» художников убеждаемся, что на британских островах тоже не все ладно: изгоняют отщепенцев, нет пророка в своем отечестве. Войнич еще и покруче отчудила: она эмигрировала затем в Соединенные Штаты Америки, а это уж совсем не патриотично.

Известно, что роман был любимейшим чтением русской анархической молодежи, а после Октябрьского переворота стал едва ли не эталонным произведением, когда надо было проиллюстрировать распространение социалистических идей и победную поступь перманентной революции. Никакого худа в этом нет, книга очень честная, чистая и воспеваает героя. Степняк-Кравчинский, не без влияния этой книги и этой писательницы, впоследствии, на своем опыте, также написал немало замечательно одухотворенных произведений, даром что был анархист, террорист и все такое. Думаю, что сейчас роман переживает новую, свою вторую актуализацию на русской почве, но куда более слабую, чем в начале XX века.

Овод – это жалящая муха, неугомный человек, который всех беспокоит, злит и будоражит. Это человек, обиженный пренебрежением и предательством земного отца и земной женщины (духовника, кардинала Монтанелли и Джеммы, подруги детства). Он незаконно-рожденный, а у незаконнорожденных, как утверждают генетики, амбиции ого-го какие. Вон, Фридрих Ницше незаконнорожденный, так он подписывался «Распятый», ни больше, ни

меньше, и грозился сместить папу римского, если тот не подтвердит его особую миссию. Вот и у Овода, итальянского патриота, отношения с религией и папским престолом – совсем никуда.

Вместе с тем его поведение очень понятно и объяснимо. Если вы с детства на положении изгоя, редко случается, что вы наберетесь смирения и толерантности. Скорее всего, вы взбунтуетесь и изберете месть как средство самоутверждения, а в этом случае общество ответит вам пытками, тюрьмой, преследованиями, нищетой, изгнанием. Всё это и случилось с Оводом. Но, и ожесточившись, он сумел подчинить свою жизнь высшим идеалам и борьбе за благородные цели. Он не любил захватчиков австрийцев и религиозную экспансию, и это притом, что судьбу получил почти как у Христа: предательство, и поношение, и неправый суд, и смерть. «Громче зовите. Может быть, Он спит», – насмехается Овод над эффективностью католических молитв. Сразу вспоминается картина «Отказ от исповеди» (вот только не помню, Ярошенко, Перова или Репина).

И знаете, я почему-то склонен оправдывать эту несговорчивость, и анархизм, и молодой энтузиазм, отнюдь не направленный на личное обогащение в офисе медиа-холдинга «Рога и Копыта». В телестудиях и в издательствах чаще мелькают рога, копыта и прочая атрибутика сатаны, чем среди простого народа или шифровальщиков «Молодой Италии». И знаете почему? Великие души не лезут перед телекамерами, а также на амвон. Они сражаются, они предпочитают действовать, а не болтать.

(Журнал литературной критики и словесности)

93. Глупее нас с вами
Генри Саттон, Эксгибиционистка:
Роман/ пер. с англ. О. А. Алякринского. –
Минск: Белфакс, 1992. – 336 с.

Ага! Вот почему Алякринский, работая в издательстве «АСТ» (где-то на задворках Казанского вокзала), так и не дал мне подзаработать на переводах. Сам-то вон чего перевел! «Американский супербестселлер», «самый шумевший роман года», «бестселлер, о котором говорят все», «сенсационный роман, разоблачающий тайную жизнь международной кино-элиты!» Вот уж правда – «разоблачающий»: в романе трахаются и разоблачаются с первой страницы до последней (в первой главе 4 раза трахаются и 3 раза рожают, а всего глав 13). И дальше – больше: сперва-то хоть мужчина с женщиной, потом женщины лесбиянки, потом гомики и лесбиянки, потом свальный грех, потом с импотентом, – в общем, на каждой третьей странице вспоминаешь невольно Рим периода упадка: парад-алле извращенцев, всяко разное по-разному везде. И все это издано под боком у батьки Лукашенко тиражом 400 тысяч. Теперь бы батька такого не позволил, а тогда еще руки у него не доходили.

Меня в первых же сценах зацепило знаете что? Там героиня только что опросталась после родов и к своему младенцу с бутылочкой молочных смесей пристаёт, да и ту не может найти: запуталась. Я втайне думаю: «Это цивилизация – или напротив того? Потому что свинья, бывает, осердясь, съедает своих свиненков, но вообще-то после родов и она их обычно кормит: у нее много сосков; молоко-то надо расходовать ведь. И наши, русские бабы, тоже обычно кормят грудью даже и в современных клиниках: вроде им разрешается первое время или даже полезно. Чего же эта-то ищет бутылочку, – это художественная правда, что ли?»

Нащот художественности Генри Саттон меня с первой минуты обеспокоил. Вообще-то у Бальзака был, говорят, словарный запас в 55 тысяч слов, а писатель Саттон вроде в 2 тыщи слов укладывается. Это больше, чем у Элочки Людоедки и ее подружки, которая знала слово «гомосексуализм», но все равно мало: в диалогах еще можно понять, о чем речь, а в авторском повествовании – уже нет. Я сразу спасовал от Генри Саттона, перестав понимать, кто есть кто, потому что герои не портретированы и не персонализированы, – просто помечены, как крысы в научной лаборатории, метками, а так – на одно лицо. И только к концу «текста» я понял, что есть главный герой, драматург Мередит Хаусман, и у него дочка Мерри Хаусман (они там, в конце романа, пытались потрахаться друг с другом, но у автора не хватило смелости; но если вы думаете, что инцеста нет в романе, то ошибаетесь: есть).

А ведь я опытен. Я ведь знал (работа такая – читать), что если из текста не понятно, кто есть кто, или персонажи по-разному названы, то автор бездарен: не умеет типизировать. Я и другое знал: если обложка книги криклива, если на ней изображена полуобнаженная женщина, а с тылу – другая, мне втюхивают пышный горячий хот-дог, жирно заляпанный кетчупом; такую пищу стоя за столиком впопыхах трескают. А это как раз такой «текст»: жирного кетчупа завались! Сколько раз замечал: если обложка «кричит», содержания за ней – ноль. Ноль содержания – это когда пошлость или нехудожественное чтиво.

И действительно: из е*ли ну никак не сделать художественное произведение, потому что самый предмет, во-первых, интимен, а во-вторых, обыкновенен. У меня, помню, в 16 лет

была «творческая» мечта написать роман о сексе; тогда я еще ничего о сексе не знал, но живо интересовался. А вот Саттон донес свою мечту до зрелых лет и успешно реализовал. Молодец! И изнасиловал меня, опытного волка, своей несусветной халтурой, своей юношеской мечтой, реализованной с помощью зрелого опыта. Чтоб я еще одну книгу в блестящей обложке взял! Ни в жизнь! Ведь когда еще читал маркиза де Сада, закаивался (закаивалась ворона говно клевать): не читай ты впредь таких книжек, где запертое дерьмо через уста лезет на бумагу. Нет, маркиза де Сада можно извинить: столько лет в тюрьме взаперти без бабы творческому человеку! Ясно, что он, чтобы обмануть своих тюремщиков, начал придумывать сексуальные положения, расставлять фигуры, сдабривать все это французской хохмой, смачной изобразительностью и грубой галантностью. Чего дворянину делать? Не рукавицы же шить в Краснокаменске? Вот, пожалуйста, насочинял столько порнухи, такой грубой, такой антиэстетичной! Но Генри Саттон-то почему все это на меня вывалил? Прямо изблевался весь, все свои испражнения вылил на меня, а я теперь отчищаюсь, расплачиваясь за свою неосторожность.

Нет, ну как хотите. Но, например, на стр. 223 е*утся и читают Йейтса. Обидно за Йейтса, хотя он сам не святой и заслужил свой блудливый антураж. Но сцены в абортарии все-таки нехороши. Фронтоник В. Е. Субботин бранил меня всего лишь за упоминание об отвисших грудях, он мне «незачет» ставил в зачетке за одно за это, а тут прямо с подробностями об абортировании – и ничего, 400 000 читателей, шум в массах, переводы. Литературный институт, а, где ты? Ты чему нас учишь? Вот же правда-то, пользующаяся уважением и почитанием. А ты нас держал на одном лишь духовном хлебе и воде, а в смысле общей раскрепощенности совсем не позаботился об нас, твоих выпускниках...

Роман Саттона я то читал, то пролистывал, то скучал над ним, то откладывал, но в конце концов определил свое отношение. Никогда не теряйте надежды, друзья! Всегда найдется человек глупее тебя. Всегда найдется писатель, который так плох, что тем самым приободрит тебя. Вот почему у нас так много плохой литературы: издатель тоже человек, он снисходителен, потому что плохой автор поддерживает его в самомнении и в жизненных установках. «Вот какое говно проплыло, – думает издатель, – а я-то лучше – и пишу, и думаю, и живу. Издам-ка я этого несчастного, помогу-ка я ему, а то сперма у него совсем заперта на ключ, и ключ выброшен».

Искать дурнее себя – это же так увлекательно! Разве не этим мы все заняты? Я-то себя корил: Ивин такой, Ивин сякой, Ивин психиатр-самоучка, мазохист, его графоманские дневники и невыразительную прозу ну кто же станет читать? А вот, оказывается, Генри Саттон хуже, а издан и уважаем, наилучший селлер написал: все раздеваются, танцуют голые, но в масках. Лепота! А как написано, стиль какой! По первым страницам я думал, что Фолкнер, а нет: оказалось, что Саттон. Герои пьют, спят, снимают кино (эпизоды) – и ни одного приличного человека, зато все из высоких голливудских сфер. Прямо термы Веспасиана, пиры Лукулла, секс Тиберия на Капри. А еще сердились на советских литературоведов, которые часто прохаживались насчет загнивающего Запада и его порочной культуры. Вот, пожалуйста, «чистейшей прелести чистейший образец», перл западной книжной индустрии, – в пределах авторских возможностей, с помощью двух тысяч слов все безыскусно, как собаки мочатся, объяснено про секс.

Я, конечно, метафизик, пишу так плохо, что никто не лайкает, но раз мне этот супербестселлер Г. Саттона противно читать, значит, я гений и не совсем еще потерянный человек. Могу собраться, в дерьмо не лезть, себя уважать, на перформансы не ходить, в хоре не выть.

Нигде не переведен за рубежом, все чисто, подметено за собой. При моем-то душевном эксгибиционизме еще немало утаено, сбережено, сублимировано поискуснее, чем у Саттона. А ведь другие, коллеги и даже помоложе кто, совсем плохи. Я читал тут роман одной московской писательницы: о том же, что и Саттон, а написано еще гораздо хуже. (Отечественные романистки как-то даже отважно натуралистичны, грубость, похоть и голый быт любят расписать безысходными словами). Следовательно, я еще вполне себе нормален, а радость жизни воспринимаю правильно: не через «текст».

Греет душу чтиво, ребята, греет душу. Возьмешь окаменелое дерьмо, понюхаешь его и подумаешь: нет, жизнь прекрасна, а производитель дерьма – глупец! А что вы хотите? Только прекрасные образцы? Вкус не воспитывается только на прекрасных образцах: надо и в «Макдональдс» захаживать, чебуреки уписывать, пивом наливать. Это жизнь! Вон Каррера, последний (по тексту) муж Мерри Хаусмен: у него эрекция была слабая, изблядовался, – так он полюбил снимать на камеру, как другие с его женой забавляются; это его подстегивало. Нет ничего нового под луной: Калигула тоже, говорят, любил нечто подобное. Так что век-то ХХ1, а похоже на 1 по Рождестве Христове. А то, вишь, разложились, язычники! Скоро вас сменят Тертуллиан, да Фома Аквинат, да Плотин. Вишь, разложились, католики ХХ1 века! Скоро вас сменят мусульманские праведники, – нравственность-то у них построже. Они с вас ярмо содомии-то быстро совлекут! Насчет прав сексуальных меньшинств они по-своему распорядятся, не по Саттону.

Вот не поверите: вероятно, надо бы сострадать героям художественного произведения, а у меня ни один нерв не дрогнул, ни один флюид не двинулся: настолько ко всему паноптикуму Генри Саттона я оказался холоден. Точно альбом с групповухами его героя Карреры просмотрел от начала до конца. Точно сразу, обыдень, пообщался с Клавдием, Нероном, Апулеем, Петронием, маркизом де Садам, Юджин О`Туллом и Генри Саттоном. Скучно, ребята, заголяться, вредно для собственного нравственного здоровья. Держите себя в руках.

([битая ссылка] www.LiveLib.ru)
Алексей ИВИН

**94. Государи наши, с кого брать пример
Грицук-Галицкая И. А. Александр Невский.
Триста лет рабства: Исторический роман-
исследование. – Ярославль, Рыбинск: Изд-во
ОАО «Рыбинский Дом печати», 2010. – 288 с.**

В моем арсенале все меньше идеализма и не остается похвал. Но с Ириной Галицкой мы занимаемся почти что одним делом (генеалогическими изысканиями); только она свои книги издает на бумаге, а я свои и в электронном виде не тороплюсь обнародовать.

Это наше общее дело затевалось давно и шло с переменным успехом. Еврейские пророки в Библии занимались тем же – исследовали взаимоотношения человека и рода и завершили, наконец, все мировое развитие гибелью и воскрешением одного из них. Как во всяком фольклоре, вранья, домыслов и фантастики в этих исследованиях много, а изобразительные средства несовершенны. Большой систематизатор и поэт Данте Алигьери занимался тем же – мстил своим родственникам и врагам в трехчастном исследовании, много вытряс грязного белья и явил метафизических красот. Взаимоотношения человека и рода художественно объясняли Голсуорси в «Саге о Форсайтах» и Золя в «Ругон-Маккарах». Но, конечно, наиболее уперты в эту проблематику историки; как правило, они не одобряют своеволие личности, а смотря, насколько полезны деяния человека для государства и рода.

Ирина Галицкая, человек серьезный и увлеченный, проштудировала их всех: летописи, В. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Николая Костомарова, Г. Вернадского (я, например, честно признаюсь, Татищева не читал). Ее «Александр Невский» вовсе не роман, а исследование, точнее – поначалу несмелое, компилятивное изложение событий с редкими цитатами из историков. По крайней мере, до середины текста художественных сцен, которые бы давали право так обозначать жанр произведения, просто нет. Тут я вступаю в противоречие с самим собой, потому что, например, в романе Марселя Пруста «Беглянка» сцен и динамики как таковой тоже нет; там и диалог-то всего один, в конце. Значит, как в случае Пруста, роман может состоять из голого анализа, рассуждений и доводов. Историограф И. Галицкая собирает и обобщает фактографию, задавшись целью исследовать роль Александра Невского, его предшественников и потомков в трехсотлетней беде от татарского ига. Замысел большой и даже огромный, но чтобы его воплотить, Галицкая поступает не по-пророчески, как Иеремия или Данте, а по-учительски, для современной средней школы: потому что если эти триста лет писать глубоко, надо на это жизнь положить, как Карамзин.

От узко прикладного и энциклопедического подхода – впечатление не самое благоприятное: эклектической окрошки, обзорной генеалогии. Это как у еврейских пророков: как начнут перечислять, кто кого родил, так на десятки страниц, а действие ни с места и художественности ноль. То же и у Галицкой: имена и местности, выуженные у историков, пестрят, а стилистика оживляется, только когда какая-нибудь историческая женщина действует и страдает. Следовательно, о своем, о женском, писательница Галицкая вроде бы готова сказать художественно, но почему она взялась обобщать, сводить в летопись распри русских князьков – об этом можно только предполагать.

Вот чую: где-то читал я про это вероломное нападение князя Александра на шведских торговцев на невских берегах, и потому, что то была яркая историческая картина, запечатленная в художественном слове, она запомнилась, запала. Но у кого я ее читал? Не у Загоскина, нет? Не у Николая Полевого? Может, сам Карамзин испытал вдохновение, описывая этот эпизод? Важно, что, когда потом то же событие встретилось в слабом изложении Галицкой, эффект, конечно, оказался обратный.

Но у историка Галицкой есть то качество, от которого мы давно отвыкли: независимость исторической мысли. Помните, в средней школе нам упорно втохивали, что московские князья, прямо от Ивана Калиты и Юрия Долгорукого, боролись за объединение русских земель вокруг Москвы, что, в конечном счете, предопределило освобождение от татарщины. Галицкая говорит, что всё как раз наоборот, что именно москвичи, интригуя в Золотой Орде против своих же, выхлопывая ярлыки, впрямую наводя татар на русские земли, стравливая князей, предавая и грабя, – словом, перенимая управленческие методы завоевателей, обрекли земли центральной Руси на долгое порабощение. И действительно, откуда у казенных историков взялась эта теория – объединительной роли Москвы – бог весть, потому что у крупнейших русских историков ее нет и в помине. Так что Галицкая акцентирует наше внимание на роли «понизовских земель», в частности, Ярославля, в организации отпора завоевателям. А место страдальца Александра Невского, пресмыкательством добивавшегося у Орды льгот и полномочий, с успехом занимает ярославец Федор Чермный (о нем у писательницы есть отдельная книга).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.